

Стоило Шэнь Хуайцзюню заговорить с суровой строгостью, как избалованные, привыкшие к непрестанному почитанию юные барчуки из знатных семейств тут же изменились в лице.

Особенно пыжился один толстяк. Шагнув вперёд, он возмущённо выкрикнул:

— Эй, ты ещё кто такой?! Да ты хоть знаешь, с кем разговариваешь? Как ты смеешь так с нами...

Договорить он не успел. С небес, подобно грозовой туче, обрушилась гигантская тень. Взмах огромных бархатисто-чёрных крыльев — и толстяк с размаху грянулся оземь. Он даже сообразить ничего не успел, лишь пробормотал на выдохе:

—... Слишком... слишком дерзко...

И, высунув язык, без чувств валился в грязь.

Хоть эти юноши в пышных одеждах и росли в неге богатых кланов, совсем уж безнадёжными дураками они не были. Завидев опасность, они без лишних напоминаний дружно грохнулись носом в грязь; кто-то даже наложил на себя заклятье задержки дыхания, откровенно притворяясь трупом.

Лишь Чжун Сюаньнань остался стоять.

— В моих жилах течёт духовная кость, дарованная самими небесами! — гордо воскликнул он, выпрямившись во весь рост и заметно выделяясь на фоне распластанных на земле товарищей.
— Сегодня я лично испытаю силу духовного зверя ордена Цинсяо!

— Сюаньнань, не глупи! — зашептали из грязи юноши.

— И не подумаю! — отрезал Чжун Сюаньнань. Гордыня, возвращённая редчайшим даром небес, проявилась в нём в полной мере: не имея за плечами реального боевого опыта, он упорно отказывался склонить голову.

Ветер свистел всё истошнее, непроглядный сумрак сгущался, и духовный зверь готов был обрушиться на них в любое мгновение.

Чжун Сюаньнань напрягся, готовый к броску, но в следующее мгновение чья-то сила сбила его с ног. В лицо ударил свежий прохладный аромат бамбука. Вскинув взгляд, он обомлел: перед ним был тот самый странник, согласившийся стать их попутчиком.

— Ты!.. — вспыхнул было юноша, но договорить не успел: зверь настиг их.

Чжун Сюаньнань расширил глаза, впервые разглядев нападавшего.

То был гигантский демонический мотылёк длиной в десятки чжанов. На изнанке его крыльев, покрытых густым чёрным бархатом, проступали узоры, похожие на человеческие глаза. Снаружи пылали холодным огнём гипнотические темно-фиолетовые очи, а в воздухе за ним тянулся шлейф сверкающей мерцающей пыли.

Справиться с тварью, поддавшейся демонической скверне, юнцам было не под силу — единственный шанс выжить заключался в том, чтобы затаиться.

По лбу Чжун Сюаньнаня скатилась капля холодного пота. Но едва он успел затаить дыхание, как спутник в шляпе поднялся во весь рост и непринуждённо помахал мотыльку рукой.

Пока онемевшие от изумления ученики наблюдали за этой безумной сценкой, демонический мотылёк внезапно замедлил полёт и плавно опустился на верхушку близлежащего дерева. Шэнь Хуайцзюнь выпростал из рукава тонкую кисть и ласково погладил бархатистые крылья чудовища.

— Давно не виделись, малыш, — с мягкой улыбкой промолвил он.

Мотылёк радостно встрепенулся, осыпав всё вокруг звёздной пылью, взмыл в небо и в мгновение ока растворился в бескрайней чаще.

Поднявшись с земли, юноши принялись суетливо отряхивать пыль с дорогих нарядов.

— Кто ты такой? — спросил один из них.

Шэнь Хуайцзюнь лишь поправил свисавшую с шляпы-вэймао вуаль и спокойно ответил:

— Всего лишь прохожий.

Больше вопросов никто не задавал. Поскольку толстяк лежал без сознания, им требовалось скорее доставить его назад, так что намерение спуститься с горы у большинства быстро улетучилось. Лишь Чжун Сюаньнань проявлял упорство и продолжал путь.

В итоге путь к подножию продолжили двое: Шэнь Хуайцзюнь и Чжун Сюаньнань. В горном городке, как и прежде, царила оживлённая суета. Шэнь Хуайцзюнь купил свежайшей хрустящей кунжутной выпечки, взял кувшинчик охлаждённого сливового отвара с пряностями, и оба вернулись в орден Цинсяо.

Чжун Сюаньнань проводил Шэнь Хуайцзюня до самой тропы, ведущей к бамбуковому подворью.

— Благодарю за терпение на протяжении этого пути, Бессмертный господин, — прямо сказал юноша.

Шэнь Хуайцзюнь ничуть не удивился. Этот юноша был сообразительнее прочих и, должно быть, подметил пристёгнутый к поясу меч Цзинфэн — древний легендарный клинок, изображения которого каждый ученик знатного клана заучивал с малолетства.

Однако Чжун Сюаньнань добавил:

— В тот день, когда вы покорили Повелителя призраков, я запомнил алый шнурок на вашем запястье.

— Вот оно что, — кивнул Шэнь Хуайцзюнь. — Что ж, мне пора подниматься в обитель. На этом и прощаемся.

Иначе кунжутные коржи остынут и потеряют прежний вкус.

Он повернулся и одиноко пошёл прочь, растворяясь в зелёном море бамбуковой рощи. Чжун Сюаньнань заворожённо смотрел ему вслед, пока неожиданно для самого себя не выкрикнул:

— Бессмертный господин Шэнь! Почему ваша духовная сила столь резко угасла? Неужели её правда невозможно вернуть?!

Ведь за весь путь Чжун Сюаньнань успел сполна разглядеть и болезненную слабость этого человека, и ничтожный уровень его нынешней культивации.

По правде говоря, с его-то гордым нравом он должен был бы с презрением отвернуться от увядшего бессмертного, не то что проситься к нему в ученики. Но в памяти настойчиво всплывал тот миг, когда Шэнь Хуайцзюнь прикрыл его своим телом, и тонкий, чистый аромат бамбука, казалось, навеки вёлся в грудь, и ничто не способно было его вытравить.

— Старшие в семье говорили, будто дно Пруда Уничтожения Бессмертных объято небесным громом и ваши меридианы сожжены... Это правда?! — не унимался юноша.

Шэнь Хуайцзюнь медленно обернулся и лёгким движением отвёл в стороны края белой вуали. На его губах заиграла кроткая улыбка, а глаза мягко сузились:

— Всё именно так. Мои силы утрачены, а надежда вернуть их крайне мала. Тебе лучше стать учеником Бай Шэна.

Возле уединённого подворья царило привычное спокойствие. Шэнь Хуайцзюнь поспешно подошёл к дверям и толкнул створку. На пороге его встретил пылающий обидой взгляд угольно-чёрных глаз — очевидно, хозяин этих глаз поджидал его здесь уже давным-давно.

Мо Яньхань упёр руки в бока и с ядовитой укоризной протянул:

— О-о, Бессмертный господин Шэнь, и где же вы изволили витать? Я тут, понимаете ли, сугубо для вас переписываю древние фолианты, а обернулся — и след ваш простыл!

Шэнь Хуайцзюнь поторопился всучить ему в руки тёплый бумажный свёрток:

— Я спускался к подножию, чтобы купить тебе угощение в знак благодарности. Попробуй скорей, выпечка ещё горячая.

Почуввав аппетитный аромат свежих коржей, юный Владыка призраков просиял и уже собрался было вонзить зубы в лакомство, как вдруг его ноздрей коснулся посторонний запах.

Он принялся упрямо ходить вокруг Шэнь Хуайцзюня, въедливо обнюхивая его со всех сторон, а затем грозно возопил:

— Шэнь Хуайцзюнь! С кем это ты там обнимался на склоне?!

Ещё через алый шнурок он заподозрил неладное, а теперь получил несомненное доказательство!

Шэнь Хуайцзюнь смущённо коснулся кончика носа. В груди против воли зашевелилось нелепое чувство вины — будто он и впрямь бросил беднягу Яньханя за монотонной работой, а сам прохлаждался внизу и с кем-то обнимался.

— Ну же, говори! — требовал Мо Яньхань, не снимая рук с бёдер.

— Я... я встретил в роще раненого зверька, — попытался выкрутиться Шэнь Хуайцзюнь. — Поднял его на руки и передал младшим ученикам, чтобы те выхаживали малыша.

— Правда, что ли? — проницательный Владыка призраков явно не намеревался верить первой попавшейся отговорке.

Шэнь Хуайцзюнь уже собрался присочинить ещё пару деталей, дабы окончательно сбить мальчишку с толку, как вдруг в груди у него всё перевернулось. К горлу подступила липкая, слащаво-металлическая волна, и тонкая алая струйка просочилась сквозь сжатые губы.

Хоть того демонического мотылька и выхаживали в ордене Цинсяо целое столетие, осквернённая аура зверя не рассеялась без остатка. И изнурённое, искалеченное тело бессмертного не выдержало даже малейшего касания к этой скверне.

— Шэнь Хуайцзюнь! — глаза Мо Яньхана мгновенно расширились от ужаса. Забыв обо всех допросах, он подскочил и подхватил оседающего мужчину на руки.

— Да сдались тебе эти кунжутные коржи и сливовый отвар! Будто их больше купить негде! — ворчал он, бережно перенося его в спальню и подавая пиалу с тёплой водой.

Сделав небольшой глоток, Шэнь Хуайцзюнь бессильно откинулся на подушки и едва заметно улыбнулся побледневшими губами:

— Ты всё же попробуй... Они действительно вкусные.

— Да понял я, понял! — сжалившаяся душа Мо Яньхана разрывалась от боли. Он бросился к резному комоду искать нефритовую плашку пламенного нефрита — артефакт, принесённый духом книжного павильона Лю Чжаем с наказом использовать при сильных приступах.

С большим трудом отыскав целебный нефрит, Владыка призраков подбежал к кровати, но Шэнь Хуайцзюнь уже смежил веки и погрузился в глубокий, ровный сон.

Он аккуратно положил огненный талисман ему на грудь, уселся рядом и долго всматривался в умиротворённое лицо, пока наконец тихо, почти беззвучно не прошептал:

— Ты ведь утверждал, что никого больше не встретил...

Смотри у меня, не смей лгать.

На следующее утро кристальный перезвон цитры Ледяной Души отозвался в каждом уголке ордена Цинсяо. Началось Торжественное собрание. Представители влиятельных кланов, разбившие лагерь у подножия, вереницей поднимались на вершину, обмениваясь чинными приветствиями.

Но какими бы пышными и строгими ни казались ритуалы, в глазах старейшин этот праздник служил лишь одной цели — похвастаться успехом и талантами собственного молодняка.

— Ну-ка, Вань-эр, милая! Ты ведь только-только освоила технику меча Цветов Персика? Покажи-ка дедушке Му!

Девушка лишь скривила губки.

— Дедушка! — Чжун Вань досадно топнула ножкой. — Перестань, я пойду поищу брата!

Каждому роду отвели чётко определённое место. Клан Чжун занимал самые почётные ряды впереди, и сейчас старейшины плотным кольцом обступили юношу, наперебой давя на него уговорами.

Чжун Сюаньнань смерил родственников ледяным взглядом:

— Дядюшки, не тратьте попусту слова. Я более не намереваюсь проситься в ученики к Шэнь Хуайцзюню.

— Вот! Вот это разумные речи! — облегчённо всплеснули руками старейшины. Они и прежде не могли взять в толк, с чего вдруг парень упёрся рогом и возомнил, будто стоит становиться учеником опального грешника. Зачем добровольно обрекать себя на срам?

Вскоре Торжественное собрание Цинсяо вступило в силу. Первым делом Чжун Сюаньнань должен был преподнести подношение будущему наставнику, а Истинному господину Бай Шэну надлежало вручить ему нефритовую подвеску ученика, тем самым скрепив союз перед лицом всего поднебесного мира.

Один из дядей сунул в руки юноши резную шкатулку и поторопил:

— Поторопись, иди к алтарю! На тебя смотрит вся поднебесная, не посрами честь рода Чжун!

Однако Чжун Сюаньнань застыл как истукан.

Он смотрел на стоящего возвышенно и гордо Бессмертного господина Бай Шэна — сияющего, окружённого всеобщим почитанием. Тот, без сомнения, в точности соответствовал образу идеального учителя, о котором юноша грезил с самых малых лет. Но теперь этот облик казался чужим, выхолощенным и холодным.

Перед глазами против воли вставала вчерашняя картина: немощный, едва держащийся на ногах человек в белых одеждах, который в смертоносный миг без колебаний бросился на него и закрыл собственным телом.

Это неясное чувство находилось где-то посередине между сыновним почтением к отцу и невольным трепетом перед незнакомцем. Оно рождало странную, глубокую привязанность: юноше до боли захотелось сидеть подле этого человека и впитывать каждое его слово.

— Сюаньнань, да что с тобой?! На тебя же все смотрят! — отчаянно зашептал дядя.

Чжун Сюаньнань лишь крепче сжал губы. Под сотнями устремлённых на него взоров он поднялся, отвесил Бессмертному господину Бай Шэну глубокий, почтительный поклон и, словно спасаясь от погони, бросился прочь из Главного зала Цинсяо.

Собрание взорвалось оглушительным ропотом.

— Неужто история повторяется? Помнится, Гао Линьяо тоже поначалу рвался в ученики к Шэнь Хуайцзюню!

— Да я бы и сам к нему пошёл! Пусть его и клеймят грешником, но в искусстве меча ему равных нет! Стать личным учеником такого мастера — невероятная удача!

— Кстати, слышали? Пару дней назад неподалёку видели Повелителя призраков...

Пока в Главном зале бушевали сплетни, Чжун Сюаньнань без оглядки бежал к уединённому бамбуковому подворью. Замерев перед плотно закрытой калиткой, он перевёл дух и, набравшись смелости, постучал.

Дверь отворил сам Шэнь Хуайцзюнь.

— Я... — запнулся юноша.

— Лю Чжай уже передал мне вести через звукопередающий нефритовый талисман, — с лёгким вздохом прервал его Шэнь Хуайцзюнь. — Сюаньнань, нам не суждено стать учителем и учеником.

В душе Шэнь Хуайцзюнь сожалел: не случись той встряски у подножия, парень бы не упёрся так отчаянно.

— Бессмертный господин, отчего вы столь категоричны?! — пылко выкрикнул Чжун Сюаньнань. — Неужели вам безынтересен ученик с урождённой духовной костью?!

Шэнь Хуайцзюнь качнул головой:

— Вовсе нет. Просто у меня более нет сил воспитывать учеников.

Чжун Сюаньнань уже открыл рот, чтобы возразить, как вдруг из затенённых сеней выскочил юноша в чёрных одеждах. Лицо у него было мертвенно-бледным, а угольно-чёрный взор обдавал таким загробным холодом, что у любого перехватило бы дыхание.

Переступив порог, Мо Яньхань, словно ищейка, отслеживающая вора, обошёл Чжун

Сюаньнаня по кругу, сощурился и глубоко втянул носом воздух. В следующий миг он замер, будто поражённый молнией.

— Шэнь Хуайцзюнь! Ты наглым образом мне солгал?! — развернувшись, юный Владыка призраков взвился от ярости. — Вчера от тебя на версту несло духом этого типа, а ты втирал мне про какого-то раненого зверька! Зверёк, говоришь?! Да это же живой, плотский человек!

— Век бы тебя не видел! Всё, я ухожу домой!

<http://bllate.org/book/20545/2131920>